

ЕВГЕНИЯ БОРИСОВА

Изменяю вашу жизнь

Евгения Борисова
Изменяю вашу жизнь

«Издательские решения»

Борисова Е.

Изменяю вашу жизнь / Е. Борисова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748119-3

«Изменяю вашу жизнь» — это легкий, но не легкомысленный социальный детектив. Журналистка провинциального издания размещает объявление с обещанием изменить жизнь незнакомых ей людей. Можно ли изменить жизнь человека без его желания, как исправить то, без чего не представляешь себя, — вот вопросы, на которые ей предстоит ответить. Как изменит смелый эксперимент ее собственную жизнь — вот то, что ей предстоит узнать.

ISBN 978-5-44-748119-3

© Борисова Е.
© Издательские решения

Содержание

Афера	6
1	6
2	8
3	10
4	12
Другой телефон	13
1	13
2	16
Клиент первый. Павлик	18
1	18
2	20
3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Изменяю вашу жизнь

Евгения Борисова

© Евгения Борисова, 2016

© Арина Федчина, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Афера

1

Оксана Геннадьевна 25 лет от роду иногда раздражает тем, что не к чему придраться. Цвет помады в цвет ногтей, сумка одного тона с туфлями, безупречно сидящая на бёдрах юбка-карандаш и идеального размера декольте белой офисной блузки – что-то, вроде бы, видно, но не то чтобы очень. И даже женщины, разговаривая с Оксаной Геннадьевной, не могут отвести взгляда от этого декольте. Думается, на завистливые взгляды женщин эта безупречность и рассчитана, ведь в редакции их абсолютное большинство.

Оксана Геннадьевна – будущая жена Биг-Босса, и это все объясняет. И её большой просторный кабинет, странный своей роскошью для редактора провинциального глянцевого издания, и твердость, с которой она называет на «ты» сотрудниц редакции, годящихся ей в матери, и решительность и отсутствие сомнений в ведении редакционной и рекламной политики издания

Об этом думает Ленка Кузнецова, сидя на еженедельном собрании редакции в понедельник после обеда и разглядывая свой маникюр, вернее, его отсутствие. Она даже не думает, она созерцает эту редколлегию как бы со стороны, сверху, все эти лица, замершие в ожидании того, когда Оксана Геннадьевна завершит телефонный разговор с «важным рекламодателем». И все сидят со строгими лицами, и все делают вид, что не знают, что «важный рекламодатель» – ближайшая подруга редактора, владелица спа-центра в этом же здании.

Директор отдела моды («Боже-боже, какая мода в нашем Мухосранске!» – думает Ленка) Вадик Соловьев рисует что-то в своем блокноте. Вадик не гей, не манерный придурок, он талантливо рисует одежду и иногда шьет ее по своим эскизам для девиц вроде Оксаны, прости-господи, Геннадьевны. Другое дело, что он и не журналист, и рисовать у него получается в разы лучше, чем писать связные тексты. Поэтому он и директор отдела – за него пишут девочки-студентки, а он подбирает к текстам красивые фото из Интернета.

Директор раздела «Любовь и семья» Анечка сидит и сосредоточенно смотрит в панораму ночного Манхэттена на стене. Два развода за спиной Анечки, на руках младенец и мама-инвалид. В связи с такими перипетиями в личной жизни Анечка увлекается психологией и эзотерикой, теоретически подкована, мантры прописаны и читаются ежеутренне – значит, и на практике скоро всё будет. Наверняка, глядя на фото ночного Нью-Йорка, она повторяет, что она будет там, непременно будет там.

Коммерческий директор Дима мрачен. Он и так-то невеселый человек, а на редколлегиях мрачен всегда, видимо, в профилактических целях. Диме 35 лет, и он наверняка в очередной раз удивляется, что он тут делает – так думает Ленка Кузнецова. Но потом осекается, и в очередной раз пишет в блокноте, что по себе людей не судят. Это она ловит себя на этой мысли каждую редколлегию, однако же время идёт, а она ещё здесь. Ленка Кузнецова – руководитель спецпроектов, под которыми подразумеваются почти все тексты журнала «Красивая жизнь».

– На носу апрель! – наконец-то оторвавшись от телефона, веско произносит главный редактор.

Все оживляются

Спецпроекты по традиции обсуждаются в последнюю очередь, когда всем уже хочется курить или кофе, а лучше все вместе, и заседать уже не вмоготу.

– Весь апрель никому не верь! – веско сказал коммерческий директор Дима – Чем не тема?

– Дима, я тебя умоляю, – стонет Ленка.

– А что, – ухватывается за эту банальщину Оксана Геннадьевна, – читатели в любом случае будут ждать что-то первоапрельское в нашем номере. Надо что-то придумать! Что было в прошлом году?

– Самые интересные розыгрыши от местных звёзд! – сразу вспомнил Вадик Соловьев, потому что год назад он ещё пробовал себя в роли журналиста и лично ездил на интервью к звездам.

– А в позапрошлом?

Повисла неловкая тишина, потому что в позапрошлом году в журнале ещё никто из присутствующих не работал, Биг-Босс был женат на предыдущей жене, и редактором была она, и с её уходом ушли и почти все, кто здесь работал. Кроме Ленки. Она работала тут уже четвертый год, но тем не менее тоже деликатно опустила глаза в свой блокнот. Опомившись, Оксана Геннадьевна сказала Ленке:

– Пометь себе. Необходимо посмотреть, что было в позапрошлом году. Повторяться не надо. А вдруг у нас есть постоянные читатели, – и хихикнула от собственной тонкой шутки.

– Пометила, – мрачно отозвалась Ленка, нарисовав большой знак вопроса посреди страницы блокнота. И чтобы прервать опять повисшую тишину, сказала:

– А давайте мы придумаем розыгрыш сами. И проведем эксперимент – будем разыгрывать людей, всё запишем, сфотографируем. Думаю, будет интересно.

– Идея хорошая, только надо, чтобы розыгрыш был и умный, и смешной, и тонкий, и необидный, – Оксана Геннадьевна оживилась.

– Обязательно, – сказала Ленка и пририсовала к вопросительному знаку восклицательный.

– Завтра жду с предложениями, – у главного редактора вновь зазвонил мобильник, и она махнула рукой, давая понять, что заседание редакционной коллегии наконец-то закончено.

2

Идея такого розыгрыша давно, как перекасти-поле, гуляла в голове Ленки. С юности она мечтала однажды открыть газету с объявлениями и увидеть какое-нибудь обещание типа «Изменяю к лучшему вашу жизнь. Гарантия 100%. Расчет по результатам». Но годы шли, волшебного объявления не было.

Тогда Ленка решила действовать. Она без труда после школы поступила в университет и выучилась на психолога, но достаточно быстро, уже на втором курсе поняла, что наука к реальной жизни имеет весьма слабое отношение и что она – сапожник без сапог. Получив на руки красный диплом психфака, она в ту же секунду осознала, что никогда не будет психологом, потому что со своей жизнью она не умеет разбираться, что уж говорить о чужих. Теорию, вернее, многочисленные теории она знала назубок, но как-то пристроить их к своим ежедневным проблемам у неё никак не получалось. И уже через полтора месяца Ленка поступила на журфак, который, впрочем, не закончила, поскольку поняла, что и он к реальности никакого отношения не имеет.

Потом Ленка несколько раз ходила к психологам – сначала после развода с мужем, потом по поводу отношений с мамой. Психологи были разные, но после каждого такого похода Ленка понимала, что помочь ей может только она сама. Психолог за деньги внимательно выслушает и мягко намекнет, что ты сама виновата. И надо работать над собой. И менять себя. И отношение к ситуации. И принимать. И отпускать. Но она сама все это знала, и лишь получала со стороны подтверждение своим знаниям. И всё это было невыносимо трудно.

Однажды Ленка сказала лучшей подруге Миле, что она бы с удовольствием разгрузила в одиночку целый грузовой состав, если по итогу получилось бы принять какие надо ситуации, простить каких надо людей и вообще – найти гармонию с самой собой. Но гармония – штука практически неуловимая. Только-только появившись в жизни Ленки после развода с мужем, она тут же исчезла – Ленка влюбилась. Начала одновременно худеть и ненавидеть себя, хотеть поменять работу и любым способом родить ребенка от любимого мужчины Романа. Поругалась с мамой, вернее, наконец сказала ей всё, что хотела сказать лет с 15-ти... Затеяла ремонт в съемной своей квартире, словно с каждым днем все глубже заходила в какое-то болото. В общем, именно в такой период полной потери гармонии Ленку и настигло грядущее первое апреля и номер с розыгрышем. И она решилась воплотить свою мечту и просто, безответственно и безалаберно, посмотреть, что из этого выйдет.

– Хм, – сказала Оксана Геннадьевна и пристально посмотрела на Ленку. – Ты думаешь, это будет забавно? Очень странный какой-то розыгрыш.

Ленка в ответ пристально посмотрела на главного редактора: «Господи, – поняла она, – а Оксанка-то ведь никогда, никогда-никогда, не думала о том, чтобы кто-то, как по мановению волшебной палочки, изменил её жизнь!!! Хочешь изменить жизнь – сходи к косметологу и купи новую мини-юбку». Ленка понимала, что одновременно с чувством презрения на неё накатывает холодная и удушающая зависть.

– Понимаете, Оксана Геннадьевна, на свете есть много людей, которые совершенно не хотят менять свою жизнь к лучшему и ждут, что кто-то придет и сделает это за них, – сказала она с мрачной улыбкой. – Почему бы им не предоставить возможность поверить в то, что так бывает?

– Ну ладно, они позвонят, – пыталась рассуждать главный редактор, – а дальше-то что?

– Будем действовать по обстоятельствам! – оптимистично заявила Ленка, которая и сама толком не понимала, что дальше. – Узнаем, что за проблема, как можно решить, если сможем – поможем, не сможем – скажем, мол, спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

– Лена, если честно – звучит как бред, – как-то доверительно сказала главный редактор, наклоняясь над столом, открывая безупречное декольте и переходя на полусшепот, – но я знаю, что ты опытный журналист и... человек, так что доверяю судьбу номера тебе. Надеюсь, ты в любом случае сделаешь из этого конфетку.

Идея была одобрена, пути назад не было, и вдруг Ленке стало страшновато. Она отчетливо поняла, что вся затея не только звучит, как бред, но и есть полный бред, порождение её измученного обстоятельствами последнего времени сознания. Пока она шла до рабочего места – она боялась. Когда Ленка дошла до своего заваленного бумагами и распечатанными макетами стола, она уже перебоилась, села к компьютеру и забила в адресную строку адрес самой большой газеты частных объявлений.

3

– Я надеюсь, ты не номер своего мобильного обозначила там? – это было первое, о чем поинтересовалась подруга Мила, когда услышала про то, что Ленка дала-таки объявление.

– Свой, – помертвевшим голосом ответила та. – Я об этом как-то даже не подумала.

– Ленуся, ты дурында! – воскликнула Милана и отхлебнула кофе. – Как можно так подставляться?! Кто его знает, какие безумцы откликнутся на твой призыв! Придется телефон менять, а это, поверь мне, хлопотно!

Они сидели в кофейне бизнес-центра, где работала Мила, и обедали. Строго говоря, осваивала бизнес-ланч только Ленка, а ее подруга пила вторую чашку американо. С самого студенчества Мила была слегка странноватой: почти не ела, жила на кофе и сигаретах, при этом у нее не было цели похудеть – она от природы имела фигуру тростинки – она просто так привыкла. Еще природа и мама наградили Милку гладкой чуть розоватой кожей, тонким носом и огромными черными глазами. Глаза эти привлекали внимание не только тем, что занимали половину Милкиного острого лица, но и тем, что были почти неуловимо раскосыми. Ленка считала это самым привлекательным в своей подруге. Черные глаза, глядящие как бы на тебя, но как бы в сторону, завораживали любого, их выражение очень трудно было угадать, а прямой взгляд этой женщины поймать было и вовсе невозможно, и только благодаря такому маленькому природному дефекту Милка считалась женщиной-загадкой.

Еще Милана постоянно меняла телефоны, длину и цвет волос и любила использовать какие-нибудь неактуальные, почти вышедшие из обихода, словечки. Например, она никогда не говорила слов «сволочь» или «козел» применительно к мужчинам. Если она хотела ругнуться, то непременно говорила «этакий мерзавец!» или «каков нахал!». В Милкином лексиконе это были очень сильные оскорбления, хотя остальными воспринимались с улыбкой.

Милана закончила психфак вместе с Ленкой, после университета пошла по «профсоюзной линии» – а точнее, устроилась на работу в отдел корпоративных отношений крупного холдинга. За 10 лет, что прошли после выпускного, Милка стала настоящей акулой в управлении персоналом, внутренних коммуникациях и корпоративных отношениях. Ездил на конференции по всему миру, продолжая работать в своем родном холдинге. Когда Ленка слушала про то, чем занимается в рабочее время подруга, то не всегда могла понять, страшно ли далека Мила от народа, или она, Ленка, далека просто от всего. Милка иногда говорила на чужом языке экономических и еще каких-то терминов, и когда она возмущалась, что «Петров, мерзавец и нахал, так и не разработал показатели ки-пи-ай для своего отдела», Ленка нет-нет, да и начинала хихикать, ощущая себя полной идиоткой.

Уже пять лет Милка была замужем за 40-летним подданным Великобритании Майклом, называла его Мишей и преспокойно жила с ним на разных континентах. Два раза в год Майкл прилетал к жене на Урал, как правило, весной и осенью. На Новый год и на день рождения мужа в августе Мила летала к нему в Йорк. Две недели в году они отдыхали где-то на нейтральной территории у одного из теплых океанов. И менять ничего не собирались. Ленка ни разу не слышала от подруги, что ей плохо, или одиноко, или не хватает Миши, или некому гвоздь забить. Милка жила абсолютно гармоничной жизнью, в перерывах между встречами с мужем с головой погружаясь в работу, а во время встреч – выключая телефон и полностью растворяясь в счастливой, хоть и непонятной другим, семейной жизни.

Если Ленка чему и завидовала в жизни подруги, так это ее абсолютно спокойной уверенности в том, что все хорошо и все так, как надо. И тому, что, находясь даже через 7 часовых поясов, Майкл почти круглосуточно писал жене в скайп милые глупости или свои размышления о жизни, она почти незамедлительно ему отвечала. При этом, кажется, почти не спала, но уставшей или несвежей выглядела редко. Милкина семья наглядно демонстрировала, что

можно быть близкими людьми на расстоянии. Ленкины прожитые годы постоянно доказывали, что даже сожительство в одной квартире не делает из людей семью.

Но при этом Мила была очень удобной подругой для неприкаянной Ленки. У нее всегда было время на разговор, на театр, на пару бокалов мартини субботним вечером. В этот хмурый мартовский день подруга выкроила для разговора полчаса в обеденный перерыв.

– Ты вообще смелая девица, хочу я сказать, – усмехнулась Милка. – Но мне нравится эта афера, потому что мне нравятся аферы вообще. А какой именно текст ты подала для публикации?

– «Изменяю вашу жизнь. Недорого. Гарантии. Телефон» – мрачно ответила Ленка.

– Шедеврально! – хохотнула подруга и шумно отхлебнула кофе. – Напишу Мише, он наверняка тоже оценит!

– О, мнение Миши очень важно для нас, – копируя интонации банковского автоответчика, но также мрачно, отозвалась Ленка.

– Ах, перестань! Это очень забавно! И очень любопытно, позвонит ли хоть кто-то! – Милка оживилась, и даже брякнувший очередным сообщением телефон ее не отвлек. – А если позвонит не один, а десять человек – это уже социологическое исследование, ты понимаешь? Ну, не напишешь свою статью, напишешь в журнал «Психология и жизнь»!

Милкины раскосые глаза расширились от интереса, отчего стали и вовсе огромными, она уже, судя по всему, набрасывала в уме основные тезисы будущего исследования.

– Типун тебе, Милка, – Ленка чуть не подавилась куском отбивной. – Какие десять человек! Мне даже если один позвонит, я пока не придумала, что с ним делать!

– О! Да? Я не знала!

– Теперь знай!

Мила замолчала и озадаченно уткнулась в телефон. Ленка угрюмо уткнулась в большую белую тарелку и пилила кусок мяса. Потом она подняла глаза и увидела, что Милка смотрит на нее и немного мимо, как бы одновременно глядя в упор и отведя взор в задумчивости. Это был знакомый взгляд подруги, серьезный и настойчивый:

– Конечно, Ленуся, это смелый эксперимент, – начала Мила медленно. – Наверное, прежде чем пытаться изменить чужую жизнь, надо хотя бы представлять, как можно изменить свою собственную. Если мы, конечно, говорим об улучшении жизни, а не наоборот. Но! Я думаю, что если ты встретишься с теми людьми, которые тебе позвонят – а я уверена, что такие люди будут! – ты сможешь им помочь. А они всенепременно помогут тебе. Так или иначе.

– Аминь! – сказала в ответ Ленка, и Мила рассмеялась.

– Ну, а главное, Ленуся, пока не поздно, позвони в эту газету, поменяй номер телефона! – уже отведя свой вдумчиво-пристальный взгляд и отвечая на очередное сообщение в своем смартфоне, отдала приказ Мила.

– У меня нет другого номера, – жалобно ответила Ленка, запивая отбивную бизнесланчевым компотом из клюквы.

– Да вот же этажом ниже салон сотовой связи, иди и купи симку новую прямо сейчас, а потом позвони в газету и поменяй номер, поняла? – тут Милка получила какое-то сообщение и заторопилась, кинула на стол пятисотенную купюру, встала, поправила юбку. – Я побежала, созвонимся!

Ленка кивнула и с неторопливостью человека, которому уже нечего было терять, доела свой обед и до последней капли допила компот.

4

Иногда Ленка себя остро ненавидела. За неустроенность жизни, за постоянную внутреннюю мятую. За вопросы, на которые не было ответов. За то, что так и не пошла ни в бассейн, ни на фитнес. За то, что не умеет покупать одежду на свою нестандартную фигуру с большой грудью. За то, что по утрам лень краситься, а по жизни лень заниматься своей внешностью вообще. В общем, бывали такие дни, когда в зеркало хотелось плюнуть. Дни острой ненависти случались обычно раз в месяц и, конечно, в чем-то были сопряжены с гормонами. Но от этого легче не становилось. И у Ленки было универсальное спасение от этого острого состояния – она шла по магазинам. Причем не по бутикам с одеждой, которую она без острой надобности даже в руки не брала, а гипермаркетам мебели. Или по магазинам «Все для сада». Или часами бродила между полками магазинов игрушек. Она мечтала.

Ленка мечтала, что когда-нибудь у нее будет большой дом. И в гостиную этого дома она непременно купит вот такой огромный угловой диван с полочкой для газет. На эту полочку она будет ставить бокал белого вина, которое будет попивать, вытянув ноги и читая вечером книжку. Около дивана будет лежать большой пес, скорее всего, золотистый ретривер... Или вот у Ленки будет сад около этого дома. В саду, конечно, будет вот такая беседка. И вдоль дорожек будут стоять большие глиняные гномы с фонарями... Или не гномы... В заваленных играми и куклами магазинах она выбирала подарки будущим детям. Ленка понимала, что если кто-то узнает, что она делает в этих магазинах, ее сочтут за душевнобольную. Но ей было все равно. Она называла это визуализацией своей мечты. Одной большой мечты под названием «Счастливая жизнь».

Иногда Ленка заходила и в те небольшие магазинчики, где на узких полках под стеклом манили к себе сотовые телефоны. К проекту «Счастливая жизнь» эти большие черные смартфоны отношения не имели, они олицетворяли для Ленки максимальное ежедневное удобство. На хороший, такой, как хотелось, с мощной камерой и кучей возможностей, телефон денег никогда не хватало. Поэтому Ленка ходила с нестарым, недорогим, но очень симпатичным красным Самсунгом. Но на смартфоны регулярно заходила поглазеть.

На этот раз она зашла в этот магазин с непривычной для себя целью – купить даже не сам телефон, а только номер к нему.

– Могу вам помочь? – радостно поинтересовался возникший рядом молодой человек в оранжевой футболке, на которой был наклеен бейдж «Сергей, стажер».

– Да, Сергей, можете. Мне нужна сим-карта.

– Какой конкретно оператор? Тариф?

– Мне все равно, какой оператор. И тариф мне нужен такой, чтобы со счета не снимались деньги, когда телефон просто лежит. Я не собираюсь по нему звонить.

– Вообще? – природное любопытство стажера Сергея мгновенно пересилило профессионализм.

– Вообще не собираюсь. Мне просто надо, чтобы у меня был номер. – ответила устало Ленка и добавила. – И звонить на него тоже никто не будет, скорее всего.

В глазах молоденького мальчика в оранжевой футболке показалась такая неподдельная жалость, что Ленка затылком почувствовала холодное дыхание одинокой старости.

Другой телефон

1

Телефон, в который Ленка вставила новенькую красную симку, включился быстро, будто и не лежал в глубине ящика стола пять лет, и от приветственной мелодии его хозяйку слегка передернуло. Она не любила этот телефон, он ассоциировался у неё с разводом и бесконечными телефонными разговорами, вынимающими душу. Бывший муж не хотел отпускать. А жить с ним вместе она не могла. И чего он хотел, и что она сама могла – Ленка совсем уже перестала понимать.

Она собиралась уйти от него два года. Два года с того самого момента, как проснулась утром, посмотрела на лежащего рядом – знакомого до мельчайших морщинок у глаз и при этом совсем чужого – мужчину и поняла, что надо уходить. Сначала она решила, что уходить, убежать, надо прямо сейчас. Заерзала под одеялом, прикидывая, какие вещи бросить в спортивную сумку, что надеть, куда поехать... На этом пункте она запнулась, осознавая, что ехать некуда. Вздохнула, еще раз посмотрела на мужа, отвернулась и как будто сделала закладку в голове на той странице, на которой было крупными буквами написано «Надо уходить!»

Муж Дима был хороший. Этим словом она всегда описывала его, не зная, как конкретизировать эту «хорошесть». Не пьет, не бьет, не гуляет. Любит. Работает. В общем-то с этой мотивацией она и выходила замуж. Мама сказала – иди, пока берут. И Ленка пошла. Любила ли она его? Конечно, она себя об этом спрашивала. И, конечно, врала себе. И в ночь перед свадьбой даже плакала, даже хотела все отменить, но платье было куплено, ресторан оплачен, приехали родственники даже из Москвы. Пока Ленка плакала в своей девичьей комнате, они сидели с мамой на кухне, пили настойку и вспоминали молодость на БАМе. Отменять было нельзя. И Ленка вышла замуж за хорошего Диму, взяла его фамилию и очень быстро к нему привыкла. Вечерами он играл в компьютерные игры или смотрел телевизор, Ленка строчила свои журналистские курсовые или статьи в газету «Городской вестник». Он в зале, она на кухне. Дома было тихо и мирно. По выходным они встречались с друзьями. Или ездили к родителям. Или ходили в кино. Летом иногда ездили на турбазы. Сексом занимались часто, но одинаково. Перед сном Дима говорил: «Я люблю тебя», а Ленка отвечала: «И я». Так и жили. А потом, года через три, Ленке стало душно.

Во-первых, лучшим отдыхом Дима считал лежание на диване перед телевизором. Когда он провел так две недели своего отпуска, Ленка впала в депрессию. Две недели она уходила из дома и возвращалась домой, а муж лежал под пледом на диване и смотрел в телевизор. Он смотрел передачи про путешествия, но сам мог выехать только до турбазы «Березка», на которую его с детства возили родители. Он смотрел передачи про научные открытия. Все подряд футбольные матчи. И поединки боксеров. И вечером пересказывал все, что узнал нового за день, жене. Когда Ленка пожаловалась Милане, та хохотнула:

– Считаю, Ленуся, что тебе неслыханно повезло, что Дмитрий не смотрит криминальные сериалы и инсценированные судебные заседания.

Милка не любила Диму и аргументировать не собиралась. Лишь когда Ленка сообщила ей о предстоящем замужестве, подруга спросила:

– И ты сможешь жить с таким ограниченным человеком?

Ленка в тот момент была очарована Диминой «хорошестью» и ограниченности не ощущала. Милана же видела ее будущего мужа всего несколько раз, общалась с ним и того меньше, поэтому, как считала Ленка, просто не до конца его поняла.

– Да! – слегка обиженно ответила она. – И буду жить счастливо!

И Миланка больше ни разу не позволила себе ни одного прилагательного в адрес Димы. Но и в гости приходила отказывалась, предпочитая встречи в кафешках. На самом деле, открылось Ленке потом озарением, лучшая подруга поняла ее избранника сразу и полностью. Психолог от Бога.

Во-вторых, Дима умел радоваться тому, что у него есть, поэтому ни к чему особенно не стремился. Он не был глупым, не был безвольным, у него просто была хорошая стабильная работа в крупной фирме, неплохая должность, которую Ленка в своих статьях описывала как «менеджер среднего звена». У Димы была большая, хоть и однокомнатная квартира, в новом доме в центре города, которую купили ему родители на окончание института. И в целом Диму все устраивало. Сначала Ленка расценивала это как цельность личности и проявление внутренней гармонии. Потом ее это стало бесить. Путешествовать он не видел смысла, потому что «все это уже по телевизору видел». Разговоры о расширении квартиры затухали, как костер, в который не подкидывают дров. Машина была не нужна в связи с тем, что квартира в центре, все рядом, родители через дорогу. Работа другая была не нужна, потому что глупо хотеть работу лучше. И в тот момент, когда Ленке казалось, что у нее нет ничего, муж ее жил спокойно, потому что у него все было.

В-третьих, Дима не хотел детей. Ведь он радовался тому, что есть, и лишнего ему было не надо. Он хотел «пожить для себя», несмотря на то, что был старше Ленки, и к моменту их свадьбы ему было почти 30. Максимум, на что он соглашался, – завести кота. Но Ленка не хотела кота, она хотела дочку. Поэтому в их просторной однокомнатной квартире не было ни кота, ни дочки. Дима спокойно лежал перед телевизором. Ленка писала, что хотела, и мечтала.

Кризис наступил тогда, когда Ленка поняла, что в ее мечтах муж никак не фигурирует. Роли бывшего мужа в ее мечтах не было, а на роль любимого мужчины он никак не тянул. Причем кризис этот наступил только в Ленкиной голове, возник как острый неотесанный камень в плотной кладке, и она день за днем камень этот поворачивала и так, и эдак, вертела, пытаясь уложить его в своей черепной коробке так, чтобы он не мешал.

В одну из мартовских ночей Ленке приснился светлый и тягучий сон. Это был один из тех снов, которые после себя оставляют острое ощущение блаженства, даже когда ты уже проснулся и совершенно ничего не помнишь из того, что приснилось. Но Ленка кое-что помнила. Она помнила, что кого-то ждала. В большом доме, в котором были открыты двери на веранду и гулял прохладный сквозняк, и она стояла в прямоугольнике света, падающего в комнату через эти двери, босиком на теплом деревянном полу. И ждала мужчину, настолько любимого, что замирало все внутри, и диафрагму подтягивало к ребрам, и было трудно дышать. И это огромное чувство обожания к тому, кто вот-вот придет, делало Ленку настолько счастливой, что она любила не только его, она любила весь мир. И сквозь бьющий в глаза солнечный свет, она увидела ЕГО, идущего навстречу и протягивающего к ней руки. Она бросилась навстречу, ощутила эти руки на своей талии, громко выдохнула от переполнившей ее радости – и проснулась. Рядом, лицом к ней, лежал Дима и негромко храпел, открыв рот. И в предрассветной серости Ленка вглядывалась в это лицо. И еще не ушедшее чувство счастья наполняло ее изнутри, и грело, и пело. И пело оно: «Лена, надо уходииниить!»

После этого пробуждения и этого утра Ленка два года готовилась. Морально и материально. Втайне от мужа копила деньги на съемную квартиру, брала подработки, вляпывалась в ненужные ей проекты, если обещали платить. Сказала о своих намерениях Милке и навсегда запомнила, с каким интересом взглянула на нее подруга. Ленке показалось, что она увидела в ней другого человека.

– Мила, – сказала тогда Ленка, – я говорю тебе об этом, чтобы не передумать.

– Я поняла, – серьезно ответила подруга.

А потом в один момент Ленка ушла. Даже неожиданно для себя. Она пришла вечером домой, пришла поздно, потому что задержалась на работе за несрочными делами. Из прихожей увидела ноги в носках, торчащие из-под клетчатого пледа на диване. Услышала:

– Лена! Какой матч смотрю! Второй тайм, куча острых моментов, ни одного гола!

Прошла к шкафу, достала сумку, кинула в нее джинсы, свитер и пару трусов, прошла в ванную, бросила поверх одежды шампунь и зубную щетку, обулась и вышла из квартиры. И когда вышла из подъезда, поймала себя на мысли, что не ждет, что Дима побежит за ней, потому что вообще не уверена, заметил ли он ее уход. Так закончились почти шесть лет совместной жизни.

А потом начались полгода развода.

Телефон не был виноват в этих длинных разговорах ни о чем, и тяжелом молчании в трубку, и в пропущенных звонках, и сотнях смс, которые умоляли: «Вернись, Лена, и все будет, как прежде, хорошо!!!» Но именно от тоскливого осознания, что все опять может стать «как прежде», у Ленки начинали ныть зубы. И формировалась глухая неприязнь к телефону с его трелями и мигающими иконками непрочитанных сообщений и звонков, оставшихся без ответа.

На этот же телефон звонила мама, и вбивала в Ленкину голову одну фразу, как заклинание: «Да кому ты нужна, а тут мужик хороший тебя вон как любит! Кому ты нужна!»

– Да я себе нужна, мама!!! – закричала однажды Ленка в ответ матери и, не дав отбой, изо всех сил швырнула телефон об стену в съемной квартире. У телефона отскочила крышка, вывалилась батарея, но сам он остался совершенно цел, как бы намекая, что от прошлого так просто не избавиться.

Через месяц Ленка вывезла из квартиры мужа единственное свое сокровище – книги. А еще через два месяца она получила свидетельство о разводе, и в этот же день в знак начала новой жизни купила себе новый – красный и украшенный рисунком цветка – телефон. После развода Дима больше не звонил. Мама тоже не разговаривала с ней около года.

2

В первый раз телефон с новой симкой зазвонил на следующий день после выхода объявления в газете. Ленка услышала в трубке пацанячий гогот, а потом ломающийся голос подростка протянул:

– Здрааасте, а я тут это... Объявление прочитал. А это... измените мою жизнь как-нибудь? – и снова гогот несколько детей-переростков.

– Мальчик, – сказала Ленка очень жестко, почти зло. – Это не игрушки! Не звони сюда больше, а то ведь жизнь по-разному может измениться. Не факт, что в лучшую сторону!

Но звонящего подростка такая тонкая угроза ничуть не напугала. Он заржал прямо в трубку, где-то на заднем плане его поддержали товарищи.

– Вранье все, дааа? – снова протянул он. – Прикольнo!

Ленка дала отбой. Почувствовала, как дрожит рука с телефоном. На такое начало она не рассчитывала. С другой стороны, она сказала пацану про «не игрушки», а ведь это самые что ни на есть игрушки. Чего она ждала? Что прямо сейчас ей начнут звонить и просить советов о том, как наладить личную жизнь?

Почему-то именно на «работу» с личной жизнью будущих клиентов она была настроена. Эта часть человеческого бытия казалась ей основой счастья или несчастья. И потом, с момента собственного развода, ей казалось, что все вокруг только и делают, что несчастно влюбляются, дорого женятся, со скандалами разводятся, уличают друг друга в изменах и так далее, и тому подобное. И если у человека все хорошо в личном – то у него просто все хорошо, и нет бед – есть только неприятности. Если на личном фронте все не очень – хоть какие условия обеспечивай ему на работе, хоть как развлекай друзьями и путешествиями, закупай ему хоть какие машины и квартиры – не будет ощущения счастья и все тут. Однако проект «Изменяю вашу жизнь» с первых своих дней показал Ленке, что ее модель счастья не всем подходит. Вслед за звонком подростка был еще один похожий. Еще хотели изменения жизни несколько человек, проблемы которых были от Ленки астрономически далеки – проблемы в бизнесе, кредиты, судимости. Общение с этими потенциальными клиентами ограничивалось одним лишь телефонным разговором, впрочем, каждый из них Ленка аккуратно записывала в специальный блокнот, собираясь – специально для подруги Милы – составить подробнейшую итоговую статистику. Человек, с которым Ленка посчитала возможным встретиться, позвонил лишь через неделю после выхода объявления в свет.

Накануне первой встречи, вечером, когда Ленка не находила себе места и, чтобы как-то унять беспокойство, разбирала бумаги в комод (по факту – вывалила их все на середину комнаты) и файлы на компьютере, позвонил Роман.

– Зайчонок, – сказал он нежно, но как-то безучастно, – прости, я не видел твоего звонка, телефон лежал на зарядке в спальне, а я туда не заходил почти весь день.

«Зайчонок» представила, как лежит на привязи и одиноко звонит черный огромный смартфон Романа под подушкой, её самая счастливая фотография высвечивается на его экране, а хозяин телефона в это время на кухне, как всегда, слушает радио и смотрит телевизор одновременно, на плите у него жарится и шипит какое-нибудь вкусное мясо, в мойке бежит вода... Конечно, услышишь тут.

– Да ничего, Ром, – как можно веселее сказала она, – я просто так звонила, узнать, как ты. И всё-таки не сдержавшись, добавила:

– Я почти привыкла, что ты не отвечаешь на мои звонки и перезваниваешь через день, – и засмеялась своей горькой шутке, которая вообще шуткой не была.

– Лена, я позвонил сразу, как увидел пропущенный от тебя, – нажимая на каждое слово, отчего вся фраза зазвучала как-то с угрозой, сказал Роман. – Всё нормально у тебя? Я тоже весь в делах. Ну давай тогда, увидимся, пока, целую.

Ленка наизусть знала его вот этот набор слов. Любимый мужчина не любил разговаривать по телефону, предпочитал личное общение. Правда, поначалу, когда у них была любовь и страсть, он мог болтать с ней по телефону часами, мог молчать часами, писал смс, по мотивам которых можно было писать романы, а потом... потом оказалось, что всё-таки он предпочитает личное общение. Потом вообще много чего оказалось, но Ленка не хотела об этом думать.

Она представила, как Роман ходит по своей просторной и гулкой квартире сейчас, в одних шортах, и в зеркалах отражается его красивая фигура, широкие плечи. Представила, как везде горит свет, во всех комнатах и на кухне говорят телевизоры, показывая разные каналы... Роман подходит к окну, смотрит с высоты своего 12-го этажа на огни города внизу и думает... думает о ней, например, о Ленке, ну почему нет? Или о ком-то ещё думает.

Ленка отогнала эту мысль, это за последние полгода она научилась делать виртуозно: проскользнула мысль в голову – раз! – и нет её уже, на секунду стало тяжело на сердце, но уже через мгновение ты этого не замечаешь, а потом и вспомнить не можешь, отчего на нем, на сердце, тяжело.

– Черт возьми, Ромашкин, – воскликнула она вслух и бросила мобильник на грудку журналов, – почему тебе не одиноко?! Почему, черт возьми, мне одиноко и хочется к тебе, а тебе, засранец, не одиноко и не хочется?!

Этот вопрос не давал ей покоя, и прогнать его было тяжелее всего. Почему он говорит, что любит, но чтобы получить доказательство этой любви, ей всегда надо напрашиваться? На свидание, на вечер или ночь вдвоем, даже на какой-то дурацкий поход в кино. Почему, чтобы услышать про его любовь, ей непременно надо сказать про свою первой? Почему, наконец, в выходной вечером она сидит в своей квартире одна, он в своей один – и они не вместе?!

Ленка хотела заплакать, но вспомнила, что завтра утром встреча с первым «клиентом», и надо выглядеть хорошо и так, будто твоя жизнь – идеальна, раз ты можешь помочь и другому человеку.

– А кто мне поможет? – вырвался очередной вопрос.

Потом она вдруг подумала о том, что старый черный телефон с новой симкой станет для нее роднее и ближе, если в нем будет номер телефона любимого мужчины. Она взяла его и на память внесла в записную книжку единственный контакт, назвав его «Ромочка». И телефон как будто сразу обрел душу и перестал глядеть враждебно маленьким черным экраном, как чужак из прошлого.

Ленка посмотрела на разложенные вокруг прошлогодние журналы, недописанные рассказы и зарисовки, вырезки, ждущие своего прочтения, на бумаги с какими-то записями, рисунками, знаками... Руки опускались, и наводить порядок во всем этом сил не было абсолютно никаких. Порывшись в стопке бумаг, она вытащила наполовину чистый блокнот с красным лаковым цветком на обложке, нашла чистую страницу и написала: «Я ПОМОГУ СЕБЕ САМА! НЕ РАСКИСАТЬ!», заложила эту страницу, новую страницу своей жизни, каким-то календариком, захлопнула блокнот и бросила его на бумажную кучу посреди комнаты. И, чтобы окончательно не раскиснуть, пошла спать.

Клиент первый. Павлик

1

В кофейне было накурено, пахло кофе и свежей выпечкой. Народу за соседними столиками было немало, при этом, казалось Ленке, была какая-то гнетущая для утра буднего дня тишина: колоритная блондинка справа читала деловую прессу, её спутник читал что-то в своем телефоне, два парня слева тоже сидели в своих смартфонах и между собой не общались. Было слышно, как официантки переговариваются у стойки.

За столиком кофейни перед Ленкой сидел вполне подтянутый, но ссутулившийся брюнет в возрасте «где-то к сорока». Он был хорошо и стильно пострижен, одет в приличный свитер с высоким горлом. Короткие плотные пальцы: ногти красивой формы, в идеальном состоянии, колец нет. Часы дорогие. Виски уже почти седые, а лицо молодое. Глаза светлые, посажены глубоко и смотрят тревожно. И вообще выражение лица у брюнета такое – настороженное. Видно, что он очень нервничает, теревит в руках салфетку с эмблемой кофейни и постоянно откашливается. Мужчину зовут Павел Иванович, можно просто Павел, можно просто Паша.

Паша, он же Павел, читает меню, теревит салфетку и даже не представляет, как нервничает и изнемогает от собственной глупой самонадеянности сидящая перед ним 32-летняя шатенка Ленка. Шатенкой она стала буквально вчера. Идя на первую встречу по объявлению «Изменю вашу жизнь», она постриглась – сделала из волос неопределенной длины короткую стильную стрижку, изменила их мышиный цвет на цвет «Каштан» и купила дорогую лаконичную черную водолазку. Спину она держала прямо, улыбалась неопределенно, а внутри тряслись и звенели нервные струны. Внешний, практически безупречный, образ совершенно не шел внутренней растерянной и разочарованной в себе женщине, повторяющей себе распевно: «Вот дуууура, вот дуууура». Своими собственными руками внутренняя женщина разрушила последние остатки жизненной гармонии, выстроив такой красивый и совершенно лживый фасад. Но – встреча была назначена, кофе заказан, взгляды встретились, и Ленка, подавив глубокий вздох, начала:

– Павел, давайте построим нашу встречу так: Вы мне рассказываете, что Вас в Вашей жизни не устраивает, что Вы хотите изменить, почему Вы хотите это сделать, а потом я озвучу свои условия, и, если они Вас устроят, – мы вместе выработаем план действий. Вы согласны?

– Я согласен, – несколько раз кивнул Павел, – меня тревожит только, что мне будет трудно рассказать Вам, незнакомому человеку, все подробности... Это очень личное, Вы понимаете?

– Я понимаю, – спокойно кивнула Ленка и улыбнулась. – Но давайте начнем не с подробностей, а с главного.

– Вы понимаете, для меня это поступок – вот так вот взять и довериться объявлению, позвонить незнакомому человеку и попросить о помощи. Но другого выхода я не вижу. Я обращался к психологам, мы ходили вместе с моей женой, но в жизни ничего не изменилось, а стало даже хуже. А мне нужны гарантированные изменения, понимаете? Мне нужны гарантии. Я хочу просто... нормальной жизни.

Ленкин собеседник говорил тихо и почти спокойно, как-то даже немного по-деловому, разглаживая на столике несчастную салфетку. Но уже после первых его фраз Ленка поняла, что эксперимент зашел слишком далеко, вернее, идея была с самого начала плохая. И вот этому человеку напротив невозможно сказать, что это розыгрыш для апрельского номера глянцевого журнала. Этот человек сделал над собой какое-то, возможно, очень значительное усилие и позвонил ей, Ленке, и сейчас готов не то что доверить ей свои беды – готов дать ей карт-бланш по изменению его жизни. Свежепокрашенные каштановые волосы зашевелились где-то

в районе затылка, и от него по спине пробежала горячая волна ужаса. Уже через секунду Ленка четко поняла, что в этот конкретный момент пространство непостижимым образом меняется, события перестают быть тем, чем кажутся, и легкомысленный розыгрыш для журнала становится экспериментом для её, пока кривой и кривой какой-то, жизни. Словно по щелчку в ней вдруг включились и психолог, и журналист: разом стало спокойно, и любопытно, и первые строчки будущего сценария этого интервью сами собой сложились в голове.

– Конечно, я всё понимаю, – звучит Ленкин голос спокойно и даже ласково. – Вы сделали первый шаг к изменениям, и это очень важно. Я Вас внимательно слушаю...

2

Павлик у мамы был единственным сыном. А у мамы с бабушкой – единственным мужчиной в доме. Вернее, в двух домах: мама с бабушкой жили в разных квартирах на одной лестничной клетке. Папа Павлика, по версии мамы, погиб до его рождения. По версии бабушки, озвученной перед смертью, – жил на соседней улице, но становится папой маленького мальчика не хотел.

Мама и бабушка, конечно, очень любили Павлика. Конечно, баловали. Конечно, не обошлось без небольшого, но судьбоносного насилия: мальчик закончил музыкальную школу, хотя все детство мечтал заниматься боксом. Или нырять в воду с вышки. Но бокс был опасен. В бассейне было холодно, пахло хлоркой и ангиной. Поэтому Павлик выучился игре на саксофоне. Потом он закончил школу с золотой медалью, потом – юрфак с красным дипломом. О том, что Павлик пойдет именно на юридический, с детства ни у кого в доме не вызывало сомнений, ведь мама всю жизнь работала адвокатом, бабушка – судьей, поэтому любовь к букве закона должна была передаваться наследнику генетически. Наличие других генов в ребенке отвергалось как невозможное. Начало карьеры Павлика пришлось на 90-е годы, и он достаточно быстро стал успешным и обеспеченным юристом.

«Это жизнь до женитьбы, если коротко», – сказал Павлик Ленке.

Надо сказать, что, будучи востребованным адвокатом, Павлик оставался хорошим сыном и продолжал жить с мамой. С девушками стабильных отношений не было, поэтому смысла съезжать из родной квартиры он не видел.

Потом в жизни адвоката Павлика появилась девушка Катя. Очень красивая, даже больше эффектная, и просто... хорошая («Боже, какое знакомое слово!» – подумала Ленка и усилием воли прогнала из головы портрет бывшего мужа). Главное достоинство ее было в том, что она умела Павлика обожать. Она обожала его глазами, телом, делами. Она могла слушать его бесконечно, кивать, восторгаться и никогда не возражать. Привыкший взвешивать каждое слово юрист Павел с ней превращался просто в Павлика и мог болтать что попало без умолку. В постели она была готова на все, и хоть Катя была не первая в жизни Павлика женщина, именно с ней он приблизился к пониманию слова «разврат».

У Кати не было высшего образования, она была администратором в салоне красоты, и, с точки зрения мамы молодого человека, это было не очень хорошо. Маме казалось, что Катя не умеет поддержать разговор. И не выглядит умной женщиной. Влюбленному и немного оглохшему от своей любви Павлику казалось, что ум в женщине не главное. В женщине главное, чтобы эта женщина была Катей. Он в один момент снял квартиру, съехал от мамы, зажил самостоятельной жизнью. А после одного из неприятных разговоров с бабушкой и мамой взял Катю за руку и притащил ее в ЗАГС. Женится юрист Павлик, как он потом понял, просто как пацан – назло маме.

С Катей жилось хорошо. Потом жилось нормально. Потом вдруг осточертело ее обожание. Ее безмолвие и безответность. И хорошость ее тоже осточертела. И эффектная красота поблекла и перестала быть важной. И вдруг захотелось с ней обсудить то да се, но оказалось, что неинтересно и глупо это – обсуждать что-то с ней, женщиной, созданной обожать и не перечить. И когда она выучилась и получила-таки высшее юридическое образование, бесило все: и то, что зачем-то прогнулась и получила его, хотя работать не собиралась, и то, что образование именно юридическое, хотя юридической жилки в ней нет и никогда не появится. «Склонность к юриспруденции должна быть врожденной!» – сказал Ленке сидящий перед ней мужчина, и она поняла, что он в это действительно верит.

Детей у Павлика с Катей не было, развелись они тихо и быстро. Состоявшийся и состоятельный юрист Павел не вернулся жить к маме, но ужинал у нее каждый день. Только в отчете

доме ему было спокойно и уютно. К тому же, с мамой и бабушкой можно было поговорить и даже поспорить на профессиональные темы. С ними было интересно.

Потом была Ира. Ее Павлик полюбил не так пылко, как Катю, а разлюбил еще быстрее, но в этот промежуток Ира успела родить ему двойню. Поэтому он прожил с ней 10 лет, время от времени страшно скандала и уходя жить к маме. Иногда наступало какое-то просветление, хотелось начать жизнь заново, дети – две девочки – росли чудесные, и Павлик возвращался в лоно семьи, и честно пытался как-то наладить отношения с женой, с собой и своим внутренним раздражением. Они даже ходили с Ирой к психологу, но всегда все заканчивалось неважно, потому что Ира считала, что во всем виновата свекровь, а Павлик считал, что мама тут вообще не причем. Психологи были разные, но говорили одно: надо разрывать связь с матерью, надо взрослеть, надо учиться принимать решения... Павлик один раз даже пошел на эксперимент и полгода не общался с мамой, иногда только у бабушки узнавая, как там у нее дела. Но семье это не помогло, она все равно развалилась.

– А Ирина была красивая? – спросила Ленка.

– Почему была? Она и есть красивая, – ответил ей собеседник без тени ностальгии или тепла в голосе. Значит, Ирина действительно красива, – решила для себя Ленка.

Уже пару лет Павел жил один, виделся с детьми по выходным и изводил себя мыслью, что живет неправильно. Загружал себя работой, брал даже дурацкие нудные и бесперспективные дела, лишь бы занять голову. Ему хотелось семью, тепло, чтобы дома ждали и любили. Но такой семьи не было. Вернее, была – мама. Круг замыкался, Павлик начинал постепенно проваливаться в депрессию. И тут – объявление в газете. Серьезный человек, юрист, а позвонил – была не была.

Ленка слушала с интересом, и очень живо себе все представляла. Представляла маму Павлика – полноватую, почему-то еврейскую, женщину с аккуратной гладкой прической, поджатыми тонкими губами и пристальным взглядом. Представляла волоокую, как сказала бы Милана, брюнетку Катю, живущую инстинктами и страстями и с мучениями сдающую сессии в университете. Иру представляла почему-то строгой красивой женщиной «за 30», причем красота ее была холодная и не грела. Рядом с этой снежной королевой представлялись девочки, похожие на Павлика и одетые в розовое, как куклы.

Павлик от Ленкиного внимания как-то расправлялся, выпрямлялся, становился увереннее и обаятельнее, на глазах превращаясь из смущенного немолодого мужчины в интеллектуала, успешного и знающего свое дело юриста. И эта метаморфоза вызывала в Ленке еще больший интерес, она слушала, подперев рукой щеку, и от этого собеседник ее становился все красноречивее и откровеннее. Когда он начал рассказывать уже не о фактах собственной биографии, а о своих переживаниях, начал что-то вспоминать из студенчества, Ленка осознала, что забыла о своей «должности», да и сам Павлик – она это видела – забыл о том, что пришел за помощью. Он, возможно, впервые за много лет выговорился. И готов был выговариваться еще долго.

Картина Ленке была предельно ясна. Мама и сын. Мама не отпускает, сын не сопротивляется. «Маменькин сынок» – вот он готовый ярлык, который Ленка была готова приклеить к этому мужчине, но почему-то медлила. На человека, который не может построить жизнь из-за мамы, он был не похож. Он был слишком успешен для этого, слишком холен, слишком многое ему было доступно. И он был... адекватный. Ленка много раз видела в жизни этих самых «маленьких сынков», но Павел не был одним из них. Или так удачно маскировался. Или «сыночки» бывают разные, просто ее выборка не репрезентативна? Ленка была даже слегка заинтригована. Готовый ярлык никак не клеился на этого симпатичного, еще час назад смущенного и тревожного, а сейчас уверенного в себе солидного мужчину, как не клеится мятая бумажка на слишком глянцевую поверхность.

За доли секунды журналист в Ленке взял верх над психологом, и, забыв о том, как проклинала себя за самонадеянный эксперимент полтора часа назад, она уже была готова к новому.

– Мне сложно сделать какие-то выводы, опираясь только на Ваши слова, Паша, – сказала она ему тихо, почти интимно наклонившись над столиком. Заметила, что мужчина посмотрел на ее грудь, которую не смогла скрыть лаконичная черная водолазка.

– А давайте я Вас с мамой познакомлю, – ни на секунду не задумавшись предложил он.

Ленка поняла, что понравилась Паше. И что он даже забыл, возможно, почему они двое сидят сейчас в этом кафе этим утром. Но Ленка-то помнила, и не могла дать своему эксперименту погибнуть на этой решающей стадии из-за симпатии «клиента». Поэтому широко, но исключительно по-деловому, ему улыбнулась. И сказала:

– А давайте!

3

Ужин был назначен на шесть вечера. В пять Ленка позвонила Миле и наказала позвонить ей через три часа. Они часто практиковали такой «контрольный звонок» перед встречами, которые грозили затянуться: договаривались, что одна позвонит другой и будет тревожным голосом нести какой-то будничны́й бред. После такого звонка, сославшись на неожиданные неприятности дома, можно было со встречи сбежать. Если же ситуация была не критичной, то можно было остаться, но с озабоченным видом. Такой способ они изобрели еще в университете, во времена пейджеров. Тогда в контрольное время они отправляли друг другу слово «Пожар!!!» Это сообщение можно было показать какому-нибудь навязчивому поклоннику и уноситься в даль, не оставив телефона. Но потом у Милки дома случился настоящий, хоть и небольшой пожар, и они заменили злополучное слово на словосочетание «Срочно домой!!!», но «пожар» остался кодовым словом, полностью и быстро объясняющим ситуацию.

– Мила, – сказала Ленка, – заказываю пожар на 8 вечера. Сможешь позвонить?

– Конечно. Куда тебя опять понесло, Ленуся?

– В одну очень приличную, я надеюсь, семью. Потом расскажу.

– Если ты собралась внезапно под венец, то одумайся. А я позвоню, конечно, сейчас напоминалку поставлю, – буднично сказала Мила, будто Ленка каждый день внезапно собиралась идти под венец.

Такси привезло Ленку в старый дом в центре города. Дома эти были рухлядью и снаружи представляли унылое зрелище, однако квартиры здесь были огромные и баснословно дорогие. Широкие лестницы с низкими и очень вытертыми по центру ступенями, огромные окна на лестничных пролетах, квадратные площадки. Ленка поднялась на третий этаж и позвонила в нужную дверь, удивляясь при этом собственному спокойствию. Внутренний голос молчал, Ленка предчувствовала интересный вечер.

Дверь открыл Павел, улыбчивый и какой-то совсем другой, помолодевший. Сразу было видно, что здесь он в своей тарелке. Ленка ступила в прихожую, отметив высоченный потолок, свежий ремонт, зеркало во всю стену и мозаику на полу.

– Добрый вечер! – сказал Павел и потянулся, чтобы помочь ей снять пальто.

Пока Ленка снимала сапоги, стараясь не пялиться по сторонам по своей журналистской привычке, в прихожую вошла женщина, на которую Павел был очень похож.

Ничего не было в маме Павлика от созданного в Ленкиной голове образа престарелой еврейской мамочки. Перед ней стояла, конечно, немолодая, но удивительно красивая, миниатюрная, с ясными и живыми глазами, с короткой стрижкой и в стильном шерстяном брючном костюме, женщина.

«Размер 44—46», – помимо своей воли прикинула гостя еще до того, как успела поздороваться с хозяйкой дома.

– Добрый вечер! – сказала та с той же интонацией, что и сын, и улыбнулась открытой и простой улыбкой.

«Помада дорогая», – снова сама собой написалась заметка в Ленкиной голове.

– Елена, я очень рада с Вами познакомиться, – спокойно и совершенно искренне сказала мама Павлика, протянула Ленке руку, пожала ее, протянутую в ответ, – Меня зовут Елизавета Романовна. Проходите, пожалуйста.

«Имперские какие-то имя и отчество. Надо узнать у Павлика их фамилию», – продолжало отбивать телеграммы Ленкино подсознание.

Впрочем, что-то царское было не только в имени этой женщине, но и в ее прямой спине, повороте ее головы, ее мягких жестах и удивительной речи: говорила она, будто читала какой-то текст – грамотно, складно и как-то очаровывающе.

В большой гостиной с высокими окнами и тяжелыми, но не старомодными портьерами был накрыт ужин. Тарелки были фарфоровые, бокалы хрустальные, салфетки – большие вышитые, накрахмаленные до хруста. Ленка, давно привыкшая есть и пить из небьющейся и потому какой-то ненастоящей стеклянной посуды, ощутила редкое для себя чувство – благоговейного восторга. Она даже погладила прохладный край тарелки просто так, от избытка чувств. Ужинали втроем. На столе было два салата, сырная тарелка с оливками по центру и утка с яблоками на роскошном подносе.

– Фирменное Пашино блюдо, – сказала об утке мама с едва заметной гордостью, и сын весело подмигнул гостье, мол, я не то еще могу.

Ели спокойно, размеренно. Ленка старалась не стучать ножом и вилкой по белоснежному фарфору, зато не могла не смеяться каждый раз от звона хрустальных бокалов после каждого тоста. Такой звон она слышала только в детстве в гостях у теток. Мамин хрусталь стоял в серванте, и трогать его было запрещено даже в большие праздники.

Павел представил Ленку как журналистку, которая пишет юбилейную книгу к 10-летию их адвокатской коллегии (Ленка сама придумала для Паши эту легенду, понимая, что разница в специальностях и возрасте дает мало возможностей для правдоподобных объяснений). Ленка призналась, что мало что понимает в юриспруденции, чтобы избежать «специальных» вопросов со стороны мамы-юриста, и что закончила филологический факультет. И речь пошла, вернее, плавно потекла, о литературе. Причем, что поразило Ленку, о литературе современной.

– Все мои подруги без конца читают Дарью Донцову, – сказала Елизавета Романовна, – И тут недавно нечего было читать, и я решила на Донцову. Купила книжку в мягкой обложке в киоске около дома. Прочитала часа за три. Читать невыносимо, а оторваться невозможно, – и засмеялась.

Ленка иронических детективов не читала, поэтому, следуя журналистским рефлексам и не имея возможности поддержать диалог, перешла в наступление. Для начала задала самый что ни на есть шаблонный вопрос, который всегда, на любом интервью, выручал:

– А сейчас что читаете?

Ответ ее поразил. Елизавета Романовна как раз читала номинантов на премию «Большая книга» и была покорена «Обителью» Захара Прилепина. Поговорили о Прилепине, о его «Пацанских рассказах» и о публицистике, тональность которой Елизавета Романовна не всегда разделяла.

– «Обитель», я думаю, займет свое место в русской литературе, – рассуждала хозяйка дома, пригубив из красивого бокала красное вино. – Прилепин вообще мне близок, хотя совсем другое поколение, другие люди. Матерятся у него все, правда. Вот это мне не нравится. Нельзя в хорошей литературе матом писать. Этим она должна от жизни отличаться, даже если она про жизнь.

Ленка успевала только поддакивать, судорожно вспоминая недочитанную «Черную обезьяну» Прилепина, сквозь лексику и стилистику которой она, филолог и журналист, не смогла продаться. Мама же Павлика орудовала филологическими терминами свободно и легко. Потом как-то незаметно перешли к Акунину, тут Ленке стало полегче, про Эраста Фандорина она могла говорить часами.

Павел слушал мать, улыбаясь. Было видно, что ему просто нравится ее слушать, что ему интересны ее рассуждения. Время от времени он вставлял какие-то замечания, из которых Ленка понимала, что он тоже читал все, о чем они говорили, но развернуто говорить о каких-то произведениях ему, видимо, не хотелось.

Ей тоже нравилось слушать хозяйку и говорить с ней. На немолодом, но вовсе не старом, лице глаза выделялись какой-то энергетикой и светом. Елизавета Романовна была красива в свои... «Сколько ей? – пыталась прикинуть Ленка, – Семьдесят или около того? Максимум 50 дала бы ей. Максимум».

Она была красива и, что еще более важно, обаятельна. Страшно было даже представить, как сражала своей внешностью эта женщина мужчин во времена своей молодости. Ленка вдруг подумала про исчезнувшего отца Павла. И поняла, что рядом с такой женщиной трудно представить себе мужчину, если этот мужчина не супергерой. Еще она поняла, что это действительно мог быть хоть летчик-испытатель, хоть полярник, который пленил сердце этой красавицы, а сам погиб во время исполнения своего героического долга – разбился или там замерз во льдах. Но еще более вероятно, что это был какой-то обычный, вполне рядовой советский мужчина, который влюбился в эту женщину и понял, что рядом с ней жить невозможно. «Не потянул», – подумала Ленка про этого неизвестного ей мужичка, наверное, неплохого, просто понявшего, что соответствовать ТАКОЙ женщине практически нереально. В ней действительно было что-то неуловимо царственное, необыкновенное, приятное и притягательное, даже сейчас, в старости. Какая она была в молодости? – Ух, увидеть бы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.